

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: БОРТ 556. Мистико-приключенческий триллер. Экранная версия. Серия 1 (Только для взрослых)

Бескрайний океан Вот уже сутки меня болтает по бескрайнему простору океана. Спасибо спасательному жилету за то, что еще не утонул. Целые сутки среди обломков посреди океана. Кругом одна вода и километры под ногами, до дна. Я совершенно один и никого вокруг. Один посреди Тихого океана.

Я уже не помню, как оказался в воде. Наверное, наглотался дыма и потерял сознание. Когда открыл свои глаза, то кругом была вода. И никого кроме меня.

Всему виной пожар на судне. Это произошло ровно в двенадцать ночи.

Этот чертов хлопок. Он сжег весь грузовик дотла.

Замыкание проводки в аккумуляторном отсеке, рядом с двигательным отсеком. Чертов коротыш и все.

Все, наверное, сгорели. И все произошло ночью, когда почти все спали. Судно вспыхнуло как коробок спичек, снизу от трюмов до самого верха.

15 июля 2006 года мы шли из Шанхая до Австралии с грузом хлопка, пережили жестокий шторм в районе Каролинских островов и вот так, сгореть ночью от пожара.

Я, глотая едкий отравляющий горячей изоляцией проводки дым, еле успел все вырубить вплоть до двигателей в дизельном двигательном отсеке, где был на своей ночной вахте.

Потом выскочить на верхнюю под верхней иллюминаторной главной надстройкой палубу из технического двигательного трюма.

Пламя распространилось быстро и дошло до грузовых отсеков с хлопком. И загорелся сам хлопок и это был конец.

Я еще помню, как выскочил на верхнюю палубу. Как было все в огне и дыму. Помню как светила ярко над нами звезды и Луна. Помню крик капитана и матросов и потом как полез в панике с другими выше от огня по бортовым ограждениям леерам и рабочим многоэтажным иллюминаторным надстройкам и все. Очнулся в океане. Очнулся только на следующее утро.

Мне было дурно и стошнило, прямо в воду. Я надышался дыма и угорел, но пришел в себя и в норму в ночной холодной воде. Я отплыл от своей блевотины и зацепился рукой за плавающий деревянный ящик. На мне не было спасательного жилета и пришлось держаться хоть за что-нибудь, чтобы удержаться на воде. Меня качало на больших темных синих волнах как шлюпку, и я смотрел по сторонам боясь увидеть плавники акул. Сильно болела голова от угарного дыма. Не выносимо просто, и я осмотрелся вокруг.

Вокруг не было ни кого. Ни живой души. Даже мертвецов. Странно как-то. Я совершенно был один. Может других кто-то подобрал, а меня, может, посчитали мертвым и не стали брать на борт. Вполне такое возможно. Кому нужен покойник. Лишний груз.

Я за короткое время передумал массу вариантов, до, самых необычных, и стал думать о чем-нибудь, чтобы хоть как-то отвлечься от своей роковой ситуации и не впасть снова в панику.

Главное сейчас избежать нападения акул. Пока ты в воде эта опасность была постоянной. Особенно нападение голубой или синей акулы. Эти твари плавали под поверхностью океанов и пересекали их вдоль и поперек и встречались даже очень далеко от берега. Мало того, эти акулы были самыми быстрыми из всех акул и нападали на человека при удобном случае. Я

сбросил свои моряка ботинки и все лишнее, чтобы лучше держаться на воде и не утонуть.

Я знал, надо поменьше шевелить конечностями, особенно ногами. Но они, висая над океанской бездной в толще воды, затекали. Благо вода была не холодной, и мне не суждено было здесь замерзнуть заживо. Мы были на экваторе, когда все случилось. Как раз после пересечения и праздника Нептуна. Помню все без исключения нажрались, как свиньи, и болтались долго по судну, не слушаясь команд и капитана. Потом все постепенно разбрелись по своим каютам и уснули. И вот этот пожар и я разминаю свои в воде висящие над бездной океана босые теперь ноги. Они затекали, и приходилось ими шевелить хоть понемногу. Чертова голова! Просто болела невыносимо!

Да я не представился. Я Владимир. Полностью Ивашов Владимир Семенович, русский матрос, моторист корабельного машинного отделения. Работал на торговых судах. И на своих, и на чужих, когда приходилось туго, как моряку. Нанимался в грузовые рейсы на время летнего сезона за хороший денежный гонорар.

Я был одиноким матросом и меня никто нигде не ждал. Поэтому я буквально жил на судах, безвылазно или в торговых портах. Я знал хорошо иностранные языки, и это мне помогало в моей матросской нелегкой работе.

Вот и в этот раз я нанялся на борт иностранца, и попал, в этот чертов пожар. Я был один из числа русских на борту этого утонувшего сухогруза. И я не знал теперь даже куда плыть, везде был только океан. Даже не знал, сколько сейчас времени. Но было точно утро.

Вокруг было много сгоревших деревянных от обшивки кают обломков и полно плавающих на воде ящиков и бочек. В стороне от меня было большое масляное пятно. Оно двигалось, не отставая вместе со мной по поверхности волн, и все говорило о гибели нашего судна.

Я понятия не имел, как меня не утатило водоворотом, когда горящий корабль пошел ко дну. А может и утатило да потом выбросило обратным потоком воды без спасательного жилета на поверхность, пока я был без сознания. Так я мог легче перенести декомпрессию. Процесс мог сильно затормозиться в полной отключке и само даже дыхание. Так я не смог наглотаться воды и произойти разрыв легких и вскипание крови при выходе с приличной глубины, когда водоворот стал, слабее и меня отпустило тяговым силовым течением круговорота океанской воды при затоплении судна. Как я вообще не утону, понятия не имею?

Мое положение было чудовищно. Жутко болела голова, и иногда казалось, что лучше бы мне надо было просто сгореть при пожаре или утонуть совсем. Я был в диком, постоянном отчаянии и уже с трудом сам себя успокаивал посреди болтающих меня туда, сюда океанских волн. Я не помню уже как наступил вечер, да все же вечер, а не утро. Значит, я очнулся днем и вот уже вечер. Я попытался уснуть, но не мог. Было жутко и панически страшно одному посреди открытого океана, здесь среди волн. Наполовину в воде и, не зная, что там под ногами.

Я потерял все. Свои документы. Вещи. Они либо сгорели в огне, либо утонули в океане вместе с судном. Я был брошен на произвол стихии и судьбы.

Я боялся даже задремать, но, все же намучавшись, к ночи уснул. Не помню как.

Предварительно сходя в туалет перед сном, прямо в свои матросские рабочие штаны. Я уснул и не помню, сколько проспал, но было уже утро. Прошла головная боль и светило уже ярко высоко над горизонтом Солнце. И белый парус на горизонте. Он был развернут в мою сторону. Я думал, схожу уже с ума от всего ужаса и своего кошмарного положения, но нет, это были не галлюцинации. Это был на самом деле белый большой парус. Одиночный, или нет?

Нет, были еще два на носу от него раскрытые треугольные кливера по ветру на мачте какой-то белой небольшой яхты.

Я стал кричать как не нормальный, еле, продрав, свой голос от долгого с самим собой молчания. Я орал и орал пока не охрип, и даже собрав все свои силы в кулак, поплыл в сторону двигающегося в мою именно сторону маленького парусного судна.

Оно на самом деле двигалось в мою сторону и довольно быстро на всех парусах. Его гнал на меня сильный утренний ветер. Даже волны стали крупнее. И меня стало сильнее бултыхать среди плавающих обломков сгоревшего моего утонувшего судна. Эти обгоревшие от огня останки налетали на меня в воде, и мне надо было уплыть от них подальше. Вот я и поплыл, не дожидаясь, когда приблизится ко мне сама идущая в мою сторону яхта.

Я практически выгребся из кучи тех обломков и плыл в направлении идущий ко мне яхты, а она шла полным ходом в мою сторону. Удивительно как-то все было. Именно в мою сторону. Видно есть на свете Бог, и он решил помочь мне сейчас. Мне не дают вот так умереть в открытом океане. Дают шанс спастись и надо его использовать. Вот я и поплыл навстречу своей новой судьбе, о которой даже и не мечтал.

Я русский матрос Ивашов Владимир Семенович из одной своей матросской трудовой жизни попадал в другую жизнь. Координально меняющуюся, прямо на глазах с момента кораблекрушения моего торгового транспортного судна. ***

— «Яхта, точно яхта!» — в радостной панике думал теперь я — «Надо плыть ей на встречу и обойти по борту, стараясь, ухватится хоть за что-нибудь! И тогда я спасен!».

Я греб во всю оставшуюся силу навстречу идущей под белыми парусами большой яхте — «Только не промахнута и только бы она не отвернула от меня!» — думал только об этом я и греб что есть силы навстречу своей новой судьбе. Я думал теперь только об одном спасении — «Если, что попробую закричать и позвать на помощь! Вблизи должны услышать!».

Яхта летела как локомотив мне навстречу и не думала сворачивать. Это было хорошо и даже страшновато.

Я уже стал бояться о том, чтобы не попасть под ее киль и форштевень, тогда маму позвать не успеешь, будет какук. Но и промахнуться боялся еще больше, тогда тоже наверняка какук в этой воде. Очередной ночевки я уже не перенесу, да и шанс оказаться в пасти акул был более верным.

— Ну, давай же! Давай! — подгонял себя я — Вот она уже рядом! Давай! — и яхта была уже у меня по самому носу, и стремительно прорезая очередную океанскую волну, неслась прямо на меня. Я чуть отплыл в сторону, и она прошла совсем рядом со мной. Я стал стучать по ее борту кулаком уставшей от гребли правой руки, пока она пролетела мимо меня на всех парях и... она проскочила быстро мимо меня и показала только свою скошенную до воды корму.

— Черт! — в ужасе и бешеной панике закричал на нее я — Черт! — Даже забыл закричать о помощи, но за яхтой тянулся длинный веревочный с кормовой лебедки фал. Наверное, какого-то подводного устройства. Эхолот или сонар. Может видеоаппаратура, для подводных съемок. Он далеко тянулся в воде, за ее скошенной к воде кормой. Да на том веревочном фале, был действительно провод, но думать было некогда, и я уже из последних своих русского моряка сил схватил его обеими руками, и яхта потащила меня по волнам за собой. И акулы бывают сытыми

Яхта тащила меня как какую-нибудь пластмассовую куклу по набегающим из-за ее низкой скошенной над водой кормы от быстроходного корпуса волнам. Я же подтягивался,

постепенно теряя последние силы. На последнем издыхании, по, этому, спущенному за кормой ее тросу и уже все-таки добрался до скоса кормы и подтянулся из последних сил и ухватился за нижние защитные от падения за борт леера кормовой оснастки.

— Ну же! — скомандовал себе вслух я — Ну же! Еще немного! Еще чуть-чуть Владимир Семенович! — и перевалившись через бортовое ограждение, упал на гладкую деревянную палубу скоростного легкого морского судна. Я был спасен! Я ликовал! И не знал другой радости, как это было здорово снова жить и очутится спасенным!

От всего пережитого и потерянных сил в океане и от последнего, крайне волнительного перенапряжения, видимо я отключился на какое-то время.

Когда я открыл глаза и пришел в себя, то лежал на постели. Постели в просторной каюте. Лежал внутри этой небольшой прогулочной быстроходной океанской яхты.

Как я оказался здесь я и не помнил. Может в беспамятстве дополз как-то.

— «А может?»

— «Нет, меня подобрали с палубы и это точно» — вдруг осознал я — «И притащили сюда и положили в постель» — я осмотрел себя — «Черт все сняли!» — оно было и понятно, я был мокрый, и вот, меня раздели, и положили в эту постель. Но кто подобрал меня?

Я сел в постели и, посмотрел вокруг. Кругом была красивая толи из красного дерева, толи из пластика мебель. Шкафы, встроенные в стенку борта яхты и прикроватный столик.

Прикрывшись одеялом, я встал. Я осмотрелся вокруг и увидел незакрытой дверь из этой спальной каюты яхты. Там наверху должен быть тот, кто его подобрал и уложил здесь в каюте. Мне показалось, что там кто-то между собой разговаривал, но шум океана заглушал чей-то разговор. Там наверху были кто-то двое. Судя по голосам, то был мужчина и женщина. И причем, скорее всего молодые.

Яхту неслабо раскачивало на волнах. И, я, глянув в закрытый оконный иллюминатор, развернувшись, пошел к выходу. Потом вспомнив опять, что совершенно голый, остановился и решил заглянуть в один шкаф. Я сбросил на постель назад одеяло и открыл, сдвинув в сторону одну из тонкой полированной ярко красной фанеры дверцу, посмотрел внутрь.

Там была одежда. Одежда была мужская. Много и как-то вперемешку. Я вытащил все, бросив на свою кровать, и стал примерять на себя, а вдруг подойдет. Надо было хоть во что-нибудь одеться. Хотя бы временно, пока не отыщется моя высушенная одежда русского моряка.

В основном это была летняя одежда. Там легкие летние брюки рубашки, шорты и майки, разного цвета с рисунками на спине и груди. Были еще внизу шкафа два чемодана, тоже, наверное, с одеждой, но я туда не полез. Надо было иметь совесть. И так то, что делал, было без спроса и в наглую.

Я натянул первые попавшиеся брюки белого цвета, прямо на голую задницу, как то сразу они мне подошли и футболку среди лежащих на постели маек, желтого цвета с какой-то дурацкой на груди надписью.

— «Ну и ладно» — подумал я, глядя на себя в зеркало на двери шкафа — «Думаю годиться».

Я так увлекся этой одеждой, что не заметил двух человек, стоящих в невысоком проеме каютной открытой двери.

Я отшатнулся от такой неожиданности от платенного из красного пластика или фанеры шкафа к перпендикулярной от него стене к

столику у кровати, и чуть было не опрокинул графин с водой и стаканом.

Они стояли напротив меня, спустившись сверху по почти вертикальной лесенке с палубы

яхты ко мне. Пройдя по узкому коридору, мимо других кают, практически под шум океана бесшумно, стояли напротив меня. Наверное, решили посмотреть как я тут. Вот я был уже в полном здоровом порядке и смотрел несколько растерянно на своих спасителей.

— Я говорила — сказала первой негромко молодая смуглая обалденной красоты девица, загоревшая до угольной черноты с распущенными длинными черными, как смоль и вьющимися, как змеи густыми волосами. По ее выпирающей из-под халатика в мою сторону трепетной девичьей полной груди, плечам и спине. На голове поверх волос были надеты зеркальные солнечные женские очки.

Девица лет так двадцати, может, чуть более, сказала, такому же молодому, где-то такого же возраста, и такому же смуглому загоревшему парню, тоже с темными солнечными очками также поднятыми на верх кучерявой с черными коротко стриженными волосами головы — Надо было оставить его там в океане. Вот видишь, он уже добрался до твоего шкафа с одеждой — это, наверное, была шутка, потому как парень заулыбался и прошел в каюту первым и протянул мне руку. Я понимал, о чем они говорили, так как знал хорошо английский язык.

Девица была значительно смуглее парня от плотного ровного, почти черного загара и, была очень привлекательной, на личико. Ее тело было, наверное, такого же цвета, как и это ее милостивое более даже сказать красивое личико, с широко открытыми убийственной красоты черными как ночь глазами.

Она была совсем не высокого, по отношению к парню, роста. Метр, наверное, семьдесят, чего не скажешь о парне. Тот в противоположность молодой девице похожей толи на цыганку, толи на латиноамериканку, был, наверное, метр девяносто и из той же похоже породы, что и девица, и как мне показалось, сразу, они были родственниками. Он был выше меня при моем росте метр восемьдесят ровно, на целую голову.

Оба были каких-то по всему видимо южных кровей. Оба черноглазые, черноволосые и молодые. Девица буквально сверлила нагло меня черными как ночь гипнотическими широко открытыми красивыми глазами. На ней был короткий домашний телесного цвета шелковый халатик. Туго подпоясанный шелковым пояском на гибкой тонкой как у русалки или восточной танцовщицы талии. Из-под полы, которого смотрели на меня своей угольной чернотой плотного ровного загара ее крутые полные в бедрах и икрах девичьи стройные обворожительной красоты голые до самых маленьких аккуратных ступней ножки. Обутые в домашних такого же оттенка и цвета, как и ее девичий халатик, тапочках. Она стояла чуть впереди перед тем парнем, гибко выгнувшись в той талии спиной назад и вперед ко мне своим девичьим животиком и словно защищая его собою, и мне показалось, она была все же старше его совсем, может на немного, но старше, несмотря на прелесть девичьего молодого почти черненького девичьего личика. Она была старшей на этой яхте. Может даже хозяйкой. Парень в противоположность девицы был в летних светлых шортах и футболке, красного цвета и красиво атлетически сложен, под стать мне. Хоть и не красиво, наверное, хвастаться своими достоинствами, но скажу сразу, я был тоже не плох собой и не плохо скроен физически. Но не такой загоревший как они. Так как мне было не до отдыха на постоянных вахтах и дежурствах на торговом иностранном судне. И некогда было принимать солнечные ванны в отличие от этих двух молодых людей.

— Вы понимаете по-английски? — он произнес и поздоровался со мной.

— Да — ответил я — тоже протянул ему руку и мы по-мужски с ним поздоровались.

— Меня зовут Дэниел. Добро пожаловать на нашу яхту — снова произнес этот молодой двадцатилетний, как и его подруга, может жена или сестра человек.

— Владимир — произнес я — Полностью Владимир Ивашов и я русский моряк с торгового интернационального затонувшего судна «KATRIN DYUPON», которое шло с грузом хлопка из Китая до Аделаиды.

Парень сделал круглые глаза и обернулся к девице — Он русский Джейн! Русский на иностранном судне!

— Вот даже как! — как то с интересом произнесла девица и тут же подошла и она ко мне и тоже протянула руку — Джейн — сказала девица — Меня зовут Джейн Морган — ее черные как ночь глаза загадочно сверкнули. Рассматривая мои синие с зеленоватым оттенком глаза — Я думаю, вы нам за чашкой горячего шоколада поведаете свою историю, как оказались посреди бушующего открытого океана. И откуда у русского моряка такое идеальное почти английское произношение.

— Джейн — парень прервал ее — Как бы он работал на иностранном судне, если бы не знал английского. Мы еще успеем с нашим новым другом поближе познакомиться.

Я покачал своей головой и сказал — Спасибо за то, что помогли мне, я признателен более чем. Если бы не вы плывал бы сейчас еще там среди обломков своего судна. И уже не пережил бы очередной ночевки в воде. Акулы мною бы наверняка пообедали бы, если бы не вы.

— Видать и акулы бывают иногда сытыми — улыбнувшись сказал Дэниел и посмотрел на свою сбоку стоящую передо мной молодую девицу. Он посмотрел на меня черными открытыми, как и у его напарницы доброжелательными глазами и сказал мне — Вот как раз и расскажете, как оказались в океане и каким образом — произнес молодой чернявый парень по имени Дэниел. Он повернулся и пошел к выходу навверх мимо девицы по имени Джейн.

— Возможно, к ночи будет шторм — произнес он ей — Судя по приборам.

Он посмотрел, выходя на часы в каюте. Вероятно в его каюте. На них было двенадцать дня. Дэниел показал мне рукой следовать за ним и быстро вышел в коридор между каютами яхты. Я последовал, молча за новым теперь моим спасителем знакомым мимо молодой, но очень привлекательной девицы.

Мне показалось, она была не очень довольна моим присутствием на их судне. Она смотрела на меня с любопытством и каким-то нежеланием или недоверием в отличие от Дэниела. Оно и понятно. У молодых людей, вероятно, были какие-то свои планы на путешествие, а тут я в океане. Нежеланный, наверное, гость, да еще и иностранец. Русский. Что, похоже, произвело недвусмысленное впечатление и похоже, интерес как на моего спасителя Дэниела, так и на красавицу его подругу или жену смуглянку.

Эта обворожительной красоты американка смотрела на меня как-то по особенному. Создалось впечатление, что она даже положила на меня глаз, но боялась меня одновременно. И оно понятно, я был чужой, да еще и иностранец.

— Я потерял все, вещи документы. Как вы нашли меня? — спросил я.

— Случайность — ответил парень по имени Дэниел — мы увидели вас среди обломков в воде и решили помочь.

— А как я оказался в этой каюте и голый — спросил я, глядя в первую очередь на обворожительную загоревшую до угольной черноты

американку Джейн по фамилии Морган. Как звали одного из пиратов Карибского моря.

— Вы потеряли сознание на палубе — ответил снова Дэниел — Когда вылезли сами по

нашему кабелю и тросу подводного эхолота и сонара на палубу, и мы перетащили вас с Джейн сюда. Одежда сейчас в стирке, Джейн позаботилась об этом. Простите, обуви на вас не было.

— Я сбросил ее, чтобы не утонуть. Она была тяжелой из толстой кожи и тянула под воду вместе со спасательным жилетом — ответил им я и

посмотрел на эту самую Джейн, а она смотрела не очень приветливо в отличие от Дэниела на меня и ответила — Не волнуйтесь вы ее получите в целости и сохранности, если ей дорожите и в сухом свежем виде. А по мне бы да я выбросила ее рыбам в океан.

Мне показалось, они были не чистые американцы. Хотя произношение было у них отличное, если считать мои отличные познания в иностранных языках. Я думаю, было у них что-то в крови, может от мексиканцев или испанцев, южане и я не ошибался. Но скорее все же, как я сделал первоначальный вывод, латиноамериканцы. Но не янки, это точно.

— Сейчас уже четыре час вечера. Мы подобрали вас в одиннадцать утра. Вы были, все это время без сознания. Идемте со мной — сказал Дэниел и надел на нос свои темные солнечные очки — Вам надо познакомиться с нашей малышкой Арабеллой. Раз уж вы оказались волею судьбы на нашем круизном парусном судне.

Я оторвался от стенки каюты и пошел за новым знакомым Дэниелом.

Девушка по имени Джейн посмотрела мне прямо без стеснения в глаза своими черными, как и, у ее напарника по путешествиям большими открытыми убийственными по красоте глазами. Я, не отрываясь от этого

взгляда, прошел мимо нее и понял что влюбился. Да влюбился в эту молодую чернявую смуглую загоревшую до угольной черноты на тропическом морском солнце американку.

Всю можно сказать из себя. Я сразу оценил девушку. В отличие от кабацких девиц, где я частенько проводил в портах время за стаканчиком Виски или Грога, куда была красивее и привлекательнее. Я был хорошим бабником и проходимцем по женщинам в свободное от мореплавания время. Увы, ни дать ни взять, но я был такой. Плохо или хорошо это уже вам судить, но не переделать меня было уже. Жизнь

морняка и вот такая свободная без особых обязанностей жизнь, вероятно, испортили меня как нормально мужчину или можно сказать мужа. Одиноким кобель без привязи и ищущий свою единственную и неповторимую сучку.

Так вот я достойно и сразу оценил, как мужчина эту чернявую черноглазую молодую и мною не очень довольную по всему видимо, красотку.

С гибкой тонкой, как у русалки или восточной танцовщицы талией. Это было видно под ее домашней одеждой. Коротким шелковым халатиком, затянутым туго шелковым пояском. Да и ножки были у девушки ничего в этих домашних такого цвета, как и халатик тапочках. Только я старался, пока виду особого не подавать, о возможный, вскоре к ней не двусмысленных своих интересах. Но загорелся как-то быстро и сразу. Помню, как застучало сердце, когда рядом мимо ее проходил.

Она смотрела с интересом на меня и недоверием.

Я вышел в коридор яхты. Узкий проход между каютами и пошел вослед за новым приятелем Дэниелом к выходу на верхнюю палубу их судна.

***

Я был наверху покрытой лаком из красного дерева палубе. Нацепив на свои бронзового загара голые ноги, первые, попавшиеся в этой же каюте резиновые пляжные сланцы, я стоял у правого борта яхты спиной оперевшись на леерное бортовое ограждения левого борта

небольшого скоростного под белыми большими на одной длинной мачте треугольными парусами и держась по обе их стороны руками. Я стоял напротив длинной почти на всю в длину палубы оконной иллюминаторной надстройки. Ведущей в каютный трюм, из которого я, собственно, и вышел, поднявшись наверх по крутой лестнице из узкого трюмного между каютами коридора. Яхту швыряло по волнам, и она неслась теперь по ним сломя голову на большой скорости. На судне гремела музыка. Магнитофон, который Дэниел поставил на крышу выступающего каютного коридора с вытянутыми овальными иллюминаторами. Играл тяжелый рок вперемешку с рок-н-роллом. По моему «Motley Crue», если не ошибаюсь.

Я поведал моему спасителю Дэниелу историю пожара на моем судне и как я оказался в океане. Возможно один из всех после того ночного пожара выживший.

— Вы из России?! — задал громко вопрос снова Дэниел, надевая на нос и глаза темные очки и на минуту возле меня остановившись со связкой веревки.

— Да — ответил, даже не думая, тоже громко, чтобы было ему слышно я — Из Владивостока!

— Вот как! — ответил мне в ответ Дэниел — А мы с Джейн из Калифорнии!

— Мы идем на полной теперь скорости! Смотрите! Еще раз не упадите! — улыбаясь, прокричал, перекрикивая шум волн и ветра, мой теперь новый

знакомый спаситель Дэниел — Подобрать вас будет теперь по новой, делом нелегким!

— Постараюсь! — прокричал ему также в ответ, шутя как бы я.

На борту было название «Arabelle». Арабелла по-нашему. Яхта легко неслась по бушующим волнам удаляясь от того места где меня подобрали. Она шла совершенно в другую сторону от торговых морских путей куда-то на юг, и куда мне это было пока непонятно.

Я стоял и молчал, глядя на своих молодых спасителей, которые были моложе меня, и смотрел на бушующий океан.

Дэниел, как звали этого с виду добродушного молодого лет двадцати с чем-то парня, бегал от носа до кормы Арабеллы. Он все время посматривал на меня, пробегая мимо и поправляя парусный такелаж яхты, и мне приветливо улыбался. Что нельзя было сказать о его смуглой и загоревшей на тропическом солнце донельзя напарнице по мореплаванию. Лет как ранее было отмечено мною, наверное, не более чем столько же, как и ему.

Джейн, поднявшись следом за мной, стояла недалеко на левом борту яхты, также спиной наклонившись гибкой подпоясанной тугим широким шелковым пояском талией на леерное ограждение с противоположного правого бота яхты, и также держалась, как и я, своими девичьими, загоревшими до черноты миленькими обеими ручками, страхуя себя от падения при качке.

Она пристально рассматривала меня. И это было заметно. Она тоже, одела, зеркальные солнечные свои очки себе на миленький девичий носик и закрыла ими свои обворожительные как у цыганки черные как ночь глаза, но смотрела в мою сторону и это точно.

Ее дивные полные торчащие из-под короткого халатика стройные девичьи как уголь черные от плотного и ровного загара в домашних тапочках ножки, смотрели тоже в мою сторону. И она, выгнувшись чуть назад, выпятила в мою сторону свой под тем халатиком, наверное, такой же обворожительный черный загоревший животик и полную топорщащуюся из-под той одежды девичью трепетную грудь.

— «Какая красивая крутозадая сучка» — как то сразу оценил, про себя ее, я — «И этот красивый до черноты загар, на, ее девичьих соблазнительных ножках и ручках. И это личико,

наверное, не целованное еще никем. Смотрит все время на меня. Просто прожигает взглядом! Бестия!».

Я оценил девицу сразу и особенно ее девичьи ножки. И, похоже, мой взгляд прожженного морской солью морского русского волка потерпевшего неудачу в океане не остался без внимания.

Она смотрела все время и довольно нагло на меня, не отрываясь, словно караулила каждое мое движение или взгляд, как стражник. А я думал — «Кто они эти ребята подобранные меня в океане? Муж с женой в свадебном странствии или брат с сестрой или просто знакомые, хотя вряд ли?».

Джейн Морган, так она назвалась.

Халатик приподымало в полах морским ветром, и я видел ее белые купальника тонкие очень узкие, едва закрывающие девичий волосатый с промежностью лобок плавки, натянутые туго на крутые оголенные шаловливым ветром девичьи, блестящие от черного крепкого плотного загара бедра. Тонким пояском, передавившим их глубоко и поджав низ милого девичьего такого же черного от загара животика. Выше я не видел, не давал туго затянутый на талии шелковый халатика тоненький пояс. Ее длинные до пояса вьющиеся змеями черные смоляные чернотой волосы развивались по ветру и захлестывались на ее лицо, и она все время поправляла их своими маленькими девичьими красивыми пальчиками. Не снимая свои зеркальные очки, сейчас одной своей рукой и все смотрела, только на меня, на прибывшегося волею рока к ним чужестранца.

Что-то было в ее том взоре черных скрытых теперь под зеркальными женскими солнечными очками убийственных глаз. Да и в ней самой было что-то не так. Помимо подозрений, недоверия и чисто женской тревоги и видимо страха перед чужим человеком, ей сейчас на их с Дэниелом яхте, было что-то похожее на заинтересованность и симпатию ко мне. Мне даже показалось, что было даже что-то большее, чем просто

интерес. Еще там в той каюте, где я приделся в чужом платенном шкафу в одежду Дэниела, все время глядела на меня. Глядела как-то странно и обворожительно. Это ее любопытство ко мне перемешивалось, наверное, даже с сочувствием и всеми возможными опасениями. Она буквально пожирала меня взглядом и не упускала не одного просто так моего жеста и движения, словно оценивая меня со всех сторон.

Я понравился ей. И я это сразу понял.

— «Интересно они были толи муж с женой, толи брат с сестрой — снова подумал я, но она явно была его старше, хоть и не намного».

Вот и сейчас на палубе яхты, Джейн пожирала меня просто взглядом тех своих красивых черных как у цыганки глаз и молчала, не говоря со мной пока ни слова. Она, молча, обошла яхту по кругу оторвавшись от перил ограждения Арабеллы, немного постояв на носу у косых ее натянутых на нейлоновых тросах и надутых ветром кливеров, возле, работающего там Дэниела, что-то ему сказала негромко. Из-за шумящего водой океана совершенно не было слышно, что она ему там сказала и пошла по правому борту в направлении к корме и ко мне.

Джейн, видимо специально подняв высоко на лоб зеркальные свои очки, и глядя, пристально и нагло, на меня своими вновь черными гипнотическими глазами, шла в мою сторону. Виляя своими безупречно красивыми черными от загара бедрами. Она, молча, проходила мимо меня, и тут яхту сильно качнуло, и она потеряла равновесие, и я сумел подхватить девицу за локоток девичьей ее руки, вскинутой в рукаве домашнего халатика от

растерянности и испуга, перед вероятным падением. Я поймал ее и притянул к себе за гибкую талию. Джейн, выгнувшись, как кошка назад, вырвалась. И, словно шокированная негромко произнесла — Спасибо! — но, несколько смущенно в растерянности в своем дрогнувшем девичьем голосе, она испуганно вырвала у меня свою руку и упреждающе строго добавила — Но, не более! — оглядываясь, все время на меня пошла дальше и, спустилась вниз в трюм к каютам яхты.

Именно в этот самый момент в этой кажущейся, на первый взгляд, несколько стержневой молодой крутозадой загоревшей до угольной черноты сучке, что-то щелкнуло внутри. Что-то надломилось в ее неприступном напускном и строгом передо мной нарисованном характере. В облике деловитой занятой морским круизом американской молодой двадцатилетней девицы. В том растерявшемся ее взгляде я увидел просто жаждущую уже давно неудержимой и безумной любви самку, молодую, и невероятно красивую, положившую глаз на русского моряка.

Этот ее растерявшийся и напуганный вероятным падением взгляд и ее слово — Но, не более! — говорило как — Возьми меня! И именно в этот самый момент все стало меняться в моей одинокой беспутной некому не нужной жизни. Именно сейчас на этой летящей по волнам на всех парусах белоснежной большой круизной яхте.

***

Яхта неслась на всех парах по бурлящим волнам как раскочегаренный на угле локомотив. Попутный сильный ветер рвал ее всю оснастку. Паруса выгибая полусферой на единственной мачте и на гремящих нейлоновых тросах и стальных креплениях. Брызги от волн залетали на покрытую лаком из красного дерева палубу, и она была всегда мокрая от океанской воды. Все говорило о скорой близящейся ночи и предстоящем надвигающемся шторме. — Вообще-то мы кладоискатели! — проговорился вдруг, громко, перебивая гром роковой музыки, хлопанье парусов и шум набегающих друг, на друга волн, мой новый знакомый Дэниел. Встав сразу у двух штурвалов яхты, когда Джейн спустилась в трюм в каюты — Мы идем в одно место. Там должен быть затонувший фрегат с золотом.

— Эти сведения верные?! — спросил я Дэниела — И откуда?!

— Я позже покажу тебе свою архивную карту Владимир! Нам надо успеть попасть в одну коралловую банку посреди океана! Там как я думаю, много золота!

— Мы идем на юг! — снова прокричал громко Дэниел. Перебивая гремящую как гром рок-музыку и шум волн — Там и будем искать тот затонувший фрегат! Мы с Джейн решили подраздобыть золотишко!

— Интересное у вас двоих мероприятие! — сказал громко я в ответ.

— Да ничего! Нормально и тебе, если что достанется! Если будешь теперь с нами! — прокричал он, мне склонившись на ухо, и засмеялся — Приглашаю на золотые прииски! У меня есть пара тройка новых

аквалангов и еще кое-какое оборудование! Так что можно искать свободно даже не сходя с яхты!

Он помолчал немного, глядя по курсу летящей по волнам яхты, и произнес снова громко — Ты Владимир давно уже в океане?!

— Достаточно долго! — прокричал стоя у ограждения спиной к волнам Дэниелу я — Больше года в плаваниях, то там, то там. До этого крушения был в Индийском!

Дэниел, понимающе, покачал головой — А мы где-то с месяц, как отошли от Калифорнии! —

он снова замолчал на какое-то время.

— Джейн! — вдруг он произнес — Моя родная сестра!

— Так ты тоже, получается, Морган?! — прокричал, убедившись, что именно как я и скорее всего, предполагал Дэниелу.

— Да! Точно так! — он сказал, смотря на меня.

— Я так и подумал! — крикнул сквозь шум музыки и волн ему.

— Догадался?! — снова мне крикнул, смеясь Дэниел.

— Сделал правильное предположение! — отозвался на вопрос я.

Дэниел сильнее засмеялся, перекладывая рули яхты в направлении желтеющих песком на ярком солнце множества Атоллов.

— Скажи Владимир! — снова громко произнес Дэниел — А сколько ты пробыл в воде до того как мы тебя подобрали?!

— Суток двое! — произнес громко я, сам ужасаясь своим воспоминаниям.

Дэниел покачал своей кучерявой черноволосой головой — Кошмар! Я бы не выдержал! Это точно! Ты герой Владимир!

В этот момент я увидел черную яхту далеко на горизонте. Она еле различимая мелькала над океанскими волнами своими белыми тоже

парусами и двумя мачтами. Та яхта была вдвое, по-моему, крупнее Арабеллы и двигалась параллельным курсом нашему.

Я спросил Дэниела о ней, и было видно, как тот нервно отреагировал и покосился на то быстро тоже идущее параллельным курсом неизвестное мне судно.

Он ничего о ней не сказал, только сказал — Нам надо добраться до атоллов и укрыться в лагуне одного из них. Скоро будет буря, приборы показывают изменение атмосферного давления и это чревато большим штормом.

— Там вон тоже какое-то судно — не вытерпев, сказал Дэниелу я — Оно, наверное, тоже плывет к золотым приискам!

Дэниелу видимо не понравилось то, что я увидел ту двухмачтовую идущую параллельным с нами курсом большую черную яхту. Видно было даже под его опущенными на черные глаза очками от солнца покоробленное выражение недовольством лица молодого парня.

— Тут могут быть корабли! — произнес как-то нервно он — Они по всему Тихому океану и что?!

— Да так ничего! — произнес я тоже стараясь переорать рок музыку и волны — оно попадет, наверное, в жуткий шторм!

Отдых в песчаной лагуне

Шторм налетел внезапно, как и сказал новый мой приятель Дэниел. И было на корабельных часах яхты одиннадцать сорок вечера.

Как сам я моряк прекрасно понимал, о чем речь и сам знал, когда надо ждать шторма и без всяких приборов.

Вообще говоря, отношения с новым знакомым моим спасителем как-то сложились удачно сами собой. Чего не скажешь о новой знакомой моей спасительнице Джейн. Как-то он отнесся ко мне совершенно еще не знакомому человеку, потерпевшему крушение русскому моряку вполне доброжелательно и по-приятельски. Возможно, он был вполне доверительным добродушным парнем в отличие от недоверчивой своей сестры. Это он мне сказал, когда мы поднялись с ним на самую верхнюю палубу их яхты.

Он мне вкратце рассказал про управление их круизным сравнительно не большим парусным кораблем. Вот так совершенно незнакомому совершенно им человеку. Странные они эти американцы.

Раньше все это делала его напарница и сестренка Джейн. А теперь это делаю я. Дэниел лишь стоя на носу яхты мне указывал руками куда рулить. Вправо или влево, чтобы не сесть на отмель или рифы.

И вот так я с разрешения как моряк, уже стоял у двух штурвалов Арабеллы, и уже помогал Дэниелу вводить яхту в круглую коралловую бухту большого океанского утыканного по всей полукруглой своей длине большими кокосовыми пальмами атолла. Нас швыряло бурлящими волнами начинающегося океанского шторма, но мы успели загнать внутрь лагуны наше теперь суденышко. Оно имело, оказывается помимо парусной оснастки, управляемой наполовину компьютером. Блок управления, кстати, находился внутри самой яхты в специальной секретной комнате, за металлической дверью в маленьком зале главной каюты за винным шкафом. Здесь же была и рация, которой, как оказалось, эти двое ребят, совершенно не собирались пользоваться. Она им была не особо нужна, и рация стояла без дела рядом с бортовым компьютером. Ее антенна была закреплена на самой мачте яхты. В общем, навигационная система была хорошо замаскирована в этой потайной комнате отсека. Даже не зная, сразу и не подумаешь где. И помимо такого вот управления парусами был еще у суденышка движок и парочка под водой с кормы небольших пяти лопастных винтов на валах уходящих глубоко в самый технический трюм Арабеллы.

Это все мне рассказал Дэниел. Родной брат этой убийственной красотки Джейн. И так как я сам был моряк и кое-чего все-таки понимал в судах и судах такого вот типа, он сказал мне, что им с сестренкой Джейн очень даже пригодятся навыки русского моряка в их морской прогулке, и я буду здесь не лишним человеком. И то, что Джейн к нему относится с недоверием, то она ко многим так относится пока ей не знакомым людям. Но думает, что я ей тоже понравился.

Меня это порадовало и я крутил штурвал то один, то другой яхты то вправо, то влево по команде Дэниела, вводя теперь нашу яхту в бурлящую в волнах укромную от шторма бухту песчанного атолла.

Дэниел вообще был классным парнем. Он поделился своими со мной личными вещами. С более взрослым, чем он мужчиной. Он отдал на время нашего плавания, по крайней мере, часть своего гардероба и даже дал запасную в его мужском туалете бритву. Правда, я все же не вылез из своих в основном матросских брюк, но в целом ему за все спасибо. Из обуви так и остались на мне те летние пляжные сланцы, которые я периодически сбрасывал и ходил вообще босиком, как, впрочем, и Дэниел и моя соблазнительница его сестренка Джейн.

Дэниел бегал по палубе от носа до кормы, то по правому борту то по левому мимо палубной иллюминаторной надстройки, сматывая и скручивая какие-то нейлоновые веревки. И включив лебедку за моей промокшей от дождя в легкой желтой футболке спиной, там на самом краю кормы, откинув кормовую верхнюю крышку, смотал быстро тот кабель шнур, по которому я забрался на яхту, довольно длинный и с каким-то продолговатым небольшим крылатым металлическим аппаратом на конце. Как оказалось, это был эхолот и сканер дна, для промеров глубины и поиска. Похоже, мои спасители герои были морскими кладоискателями. Ну, я так от незнания, по началу, предположил, но особо сейчас не раздумывал, видя это, главное для меня

сейчас было, оказаться полезным теперь человеком в глазах моих спасителей и, особенно в глазах моей новой знакомой Джейн. ***

Ветер рвал длинные широкие листья с кокосовых пальм и сбивал кокосы, наклоня почти к воде сами высокие гибкими стволами пальмы, и там за атоллom творилось черти что. Вода там просто бурлила от громадных кипящих набегающих на атолл океанических волн.

Не окажись здесь нас бы, наверное, и скорее всего бы разбило о рифы атолла. Но тут в кольцевой отрезанной от самого океана высокими кораллами бухте, в самой довольно глубокой его лагуне мы были под защитой. Здесь не так штормило, и вода внутри лагуны была почти спокойной. Лишь слегка раскачивало яхту и после того, как были убраны все паруса, и брошен носовой якорь прямо в центре лагуны, нас лишь крутило вокруг якорной цепи и сильно качало, но опасности быть

выброшенном на песчаную отмель силой ветра или на кораллы была ничтожной. Это было действительно надежное укрытие на время шторма.

Становилось темно и Дэниел, включил габаритные огни, и свет на палубе и в трюмном коридоре и каютах яхты и оставил меня еще знакомиться с приборами управления судном наверху, а сам спустился внутрь яхты. Он сказал, что надо ему обсудить кое-что со своей сестренкой Джейн. И как только я разберусь со всем, то тоже можно будет спуститься внутрь яхты как раз к ужину. Подходил вечер, и уже было семь часов нашего скитания по океану.

Он накинул на меня клеенчатый длинный плащ с капюшоном и исчез в лестничном люке, уходящем внутрь к каютам Арабеллы. Он сам закрыл вход узкими палубными дверями от ветра и брызг дождя, летящего по косой на ветру через яхту и стучащих по ее лакированной из красного дерева палубе.

Без сомнения эта Арабелла, яхта предмет дорогой. Довольно большая, с прочными герметичными переборками и красивыми обводами бортов, белого цвета, метров больше двадцати в длину и в ширину метров пять или шесть. Это для одномачтовой то яхты. С палубной оконной иллюминаторной длиной под ее мачтой надстройкой. С балансирным вытянутым внизу под водой угловым килем. И в самом трюме каютными помещениями и техническим трюмом с двумя двигателями, винтами и баками под обеим бортам с топливом. Часть кают на яхте просто пустовала. С кухонным камбузом и главной каютой для гостей с кожаными креслами и диваном. Душевой, там туалетом и все такое. Имела носовой для водолазного и исследовательского оборудования трюм с аквалангами и резиновой на моторе лодкой. Яхта с треугольными двумя кливерами и двумя большими тоже треугольной формы до самой кормы парусами.

С солнцезащитным навесом над пультом управления и двумя рулями. Яхта имела довольно прочную, из металлизированного плетеного нейлона такелажную оснастку, на металлических креплениях. С аккумуляторами в низу самого трюма, на дне ее корпуса в герметичном от воды специальном отсеке над самым килем. Бортовым и палубным освещением и генератором переменного тока в компьютерном отсеке и питавшем по проложенной внутри обшивке герметично заизолированной по всей яхте проводке энергией всю Арабеллу и заряжающийся время от времени от вхолостую включенных двигателей самой яхты. Да еще с таким вот компьютерным управлением. Она могла на автомате вымерять и прокладывать через компьютер курс и следовать по его команде к любой проложенной точке в океане. Автоматически на автопилоте. Она вся если поставить этот режим переключалась и меняла

паруса, подымала, и опускала, перекладывая их по ветру. Даже оба штурвала сами крутились по заданному курсу. И эти двое молодых ребят, похоже, были не из бедного десятка на планете людей, таких, как я, например. Обычный рядовой русский моряк торгового флота, зарабатывающий себе на жизнь своей нелегкой работой.

Кто они были, я пока не знал, но был благодарен им за свое спасение и за доверие Дэниела и его расположенность ко мне, еще совершенно мало знакомому ему совершенно чужому человеку.

***

Я, наконец, со всем разобравшись, спустился тоже вниз. Меня достал этот штормовой морозящий дождь, да и плащ не особо меня защищал от льющейся с черных покрытых тучами небес воды. Ветер то и дело срывал с головы капюшон, и я снова был весь мокрый как тогда в океане.

Я шел по узкому освещенному горящим ярким светом меж каютами коридору до самого небольшого главного на судне зала. Говоря точнее той самой главной довольно большой каюты с мягкими креслами и

диваном. Там был также шкафы с посудой, и даже телевизор и много еще всего, как и положено на любой прогулочной океанической яхте. Этот зал предназначался для общего отдыха и общения членов экипажа или команды.

Я немного не дошел до дверей, когда услышал оттуда разговор Дэниела и его сестренки Джейн. Этот разговор был обо мне, и я

притаился на время у стены, под нависающим невысоким освещенным лампами дневного света потолком коридора, тихо слушая их.

— Мы не можем высадить его в ближайшем каком-нибудь порту — сказал Дэниел — Ты сама же знаешь, эта яхта висит у нас на хвосте постоянно и они тоже ищут. Там патрули полиции и проверки. А яхта, не зарегистрированная ни в одном порту. Она в угоне! Ты хочешь в тюрьму!

— Ну и что будем с ним делать Дэниел? — Спросила Джейн у брата.

— Не знаю пока — ответил ей Дэниел — Но он нам может пригодиться в помощь. Он хорош в управлении корабельными рулями, и кое-чего знает в мореходке. Он же моряк да еще русский. Значит надежный.

— И ты предлагаешь его взять в наше дело?! — удивленно и возмущенно произнесла Джейн брату — Он ведь третий лишний во всей этой истории. И кто его знает что произойдет, например, завтра. А если они нападут на нас?! Ты хочешь быть виновным в его гибели Дэниел! Это касается только нас двоих!

— Так или иначе, как только он оказался здесь, он уже стал частью всей этой истории наравне с нами — ответил сестре Дэниел. Мы не можем отмалчиваться все время, он все равно спросит, что это за судно все

время по корме нашей яхты. Я же вижу, как он постоянно на него оглядывался. Там в штормовом океане. Он молчал и не спрашивал кто это, но он видел ту гангстерскую черную двухмачтовую яхту.

Я действительно видел еще одну яхту. Очень далеко и постоянно идущую за нами. Казалось, они вели нас, висели на хвосте, причем постоянно до самого начала шторма. Я молчал и не спрашивал Дэниела о том, кто это? А Джейн была уже давно внизу, и не выходила наверх.

— Надо сказать ему Джейн и включить в команду. Хотим мы того или нет.

— Ты хочешь его во все посвятить? — сказала Джейн.

— Некуда деваться Джейн — ответил ее брат — К тому же он прекрасно понимает наш язык и все слышит, так или иначе. И скоро будут

наверняка у него вопросы, кто мы и зачем здесь. Избавиться от него мы не можем, мы не преступники, а лишний помощник аквалангист не помешает в наших поисках.

— Ладно, Дэниел — ответила, как бы с неохотой соглашаясь с ним, Джейн — Только ты и бери это все на себя, я пас.

***

С меня текла ручьями вода. Прямо на пол в коридоре и я, сняв быстро плащ, вошел в главную каюту Арабеллы. Мокрый и голодный. Сделав вид, что не слышал их разговора, я сказал Дэниелу и Джейн еще раз привет, как это принято у американцев, приветствоваться при каждом разе, и спросил Дэниела, куда положить мокрый свой этот после дождя плащ. Тот просто взял, молча улыбаясь их новому гостю, его у меня из рук и вышел в коридор яхты. Я остался на некоторое время наедине с Джейн. Я прошел внутрь каюты и сел спиной к двери в кожаное кресло напротив маленького банкетного столика. На столике стояли фрукты и бокалы под спиртное, но пустые пока еще.

И Джейн и Дэниел, вероятно поняли, что я слышал как бы случайно весь их разговор обо мне. Потому как Дэниел быстро вышел, Джейн

как-то замялась, стоя у барного винного шкафа, за которым был в тайном маленьком отсеке пульт компьютерного управления яхтой и рация.

— Владимир — она первой произнесла ломано, по-русски мое имя. Это произвело впечатление на меня. И дальше уже по-английски — Хотите Виски?— Я бы сейчас предпочел водки — ответил я ей, не сводя с такой безумно красивой красотки глаз, чем смущал ее, но она мужественно переносила мой мужской нагловатый до женского пола русского моряка взгляд. Она, улыбнувшись мне загадочной многообещающей улыбкой, повернулась к тому винному красному полированному шкафу, показывая мне заядлому бабнику снова со всех сторон свои миленькие и черненькие от плотного сильного загара почти черненькие девичьи ножки. Фактически целиком из-под короткого, туго подпоясанного на тонкой и гибкой как у восточной танцовщицы талии шелкового халатика. Она резко повернулась ко мне у того винного полированного из красного дерева или пластика шкафа, и взяв бутылку своим красивыми девичьими пальчиками с водкой подошла к стоящему посередине каюты маленькому банкетному столику, сверкая в свете ламп каюты своими убийственными гипнотически черными глазами. Ее убийственный этот черный взгляд буквально пронизывал меня насквозь и будоражил мою от любовных страстей душу. Он обжог еще тогда меня когда я первый раз увидел эти безумно красивые девичьи, наполненные скрытой любовной страстью черные как ночь глаза. Я тогда еще не знал, что и она была готова броситься в мои уже объятые, но что-то еще держало нас обоих поодаль друг от друга. Наверное, то, что мы еще не достаточно сблизились друг с другом. Я как умопомешанный смотрел в те ее черные глаза и уже горел дикой любовью к этой южного вида латиноамериканской красоте, равно как и она хотела меня с того момента как только увидела на своей с братом Дэниелом яхте.

Джейн подала мне стеклянный стакан с водкой и отошла назад к винному шкафу.

Она повернулась ко мне снова лицом с забранными на миленькой черненькой от загара головке в пучок длинными и густыми вьющимися как змеи своими черными, как смоль

волосами, заколотыми золоченой булавкой. От этого ее личико с черными глазками было еще милее. Украшенное височными волос завитушками и золотом маленьких в ушах колечками сережек. От этого ее личико становилось еще милее.

Она налила себе в стеклянный бокал красного французского вина.

— «Боже как она была красива! Эта южного помола американка!» — подумал очарованный ею я.

— Вы мне очень нравитесь Джейн — вдруг вырвалось само собой из моих тоже молодых любящих девичьи поцелуи уст.

— Вы мне тоже очень — вдруг услышал я в свою сторону от красавицы американки Джейн.

— «Она призналась мне! Вот так и сразу! Практически не думая!» — я был удивлен и порадован несказанно.

Это была первая ласточка близкого взаимопонимания и признание в любви между нами. Мы сами тогда возможно одурманенные друг другом не поняли этого.

Я видимо произвел на Джейн неизгладимое впечатление. Признаюсь без лишнего хвастовства, я был далеко не дурен собой и молод, хотя и был старше их обоих, и Дэниела и самой Джейн. Был физически более крепок даже чем спортивного склада Дэниел. Ну, там, бицепсы и все такое. Может, девица с Запада просто, запала на меня, как на более, старшего. Как это и бывает у девчонок ее возраста, да еще и

иностранца. Хотя думаю, она просто до одури влюбилась. Ей нужен был уже взрослый мужчина. И я прекрасно для этого сейчас подходил.

Но верить или нет молодой обворожительной красавице после услышанного. Она более брата Дэниела хотела списать меня на берег, а тут как-то переменялась в общении. И эти ее убийственные черные, как

у цыганки глаза. Они совсем говорили о другом. В них теперь было слово — Я люблю тебя и слово — Остайся.

— Я слышал, подходя сюда ненароком — продолжил я разговор — Что я не очень здесь желанный гость. Из ваших уст Джейн — как бы специально проверяя ее, произнес я.

— Вот как? — Джейн даже несколько растерянно смутилась, но быстро сориентировалась и спросила — И что вы слышали еще из нашего разговора? — она пригубила тот бокал красного французского вина.

Я не стал говорить что, просто продолжил — Я все понимаю. Понимаю все прекрасно, и вы вправе меня высадить где-нибудь по пути на какое-нибудь проходящее мимо судно. Я ни буду протестовать. Я вам,

наверное, как третий лишний, тут мешаю — я специально так сказал, чтобы задеть Джейн, и я знал уже, что она не отпустит меня теперь ни за что.

— А вы хотели бы остаться? — сказала вопросительно мне в ответ Джейн.

— Не знаю. Вам с братом решать — я уже ответил, как бы равнодушно, зная, что решение будет совершенно иным и однозначным.

Она, села, напротив в стоящее перед столиком кожаное глубокое кресло, забросив ногу на ногу, мелькнув белыми тоненькими меж тех красивых девичьих ног шелковыми на лобке узкими плавками, натянутыми туго на ее крутые женские бедра. Джейн потягивая алыми сладострастными губками виски, не отрываясь, смотрела без смущения на меня, более старшего, чем она или даже ее брат Дэниел черными, пожирающими с ног до головы, как ночь глазами.

— Вы не правильно нас поняли — вдруг Джейн произнесла, сверкнув, специально, наверное, влюблено на меня своими черными, как ночь глазами — Мы с Дэниелом решили оставить вас Владимир здесь на время всего нашего морского круиза. Мы решили, что ваше знание морского дела как русского моряка нам весьма не помешает.

— «Вот значит как! Я вдруг стал нужен!» — подумал я — «Какая внезапная перемена!» — и саданул свою в стакане водку.

— Вы я думаю хороший человек — продолжала свой со мной диалог красавица Джейн — потягивая миленькими девичьими губками французское вино — Дэниел не ошибается в людях. Я это знаю. Он их видит насквозь. Хоть и моложе меня. Я его старшая сестра и присматриваю за ним иногда. Он ныряет и водит яхту, я готовлю и помогаю ему, чем могу.

— «И зачем она мне это говорит?» — думал я — «Делая вид заботливой сестры» — и поддержал наш диалог.

— Симпатичный парень твой брат Дэниел — произнес я Джейн — Отличный тоже моряк. Он здорово управляет с яхтой.

— Спасибо — ответила, мне, загадочно улыбаясь Джейн — Я передам ему вашу похвалу Владимир.

Чем больше я говорил, тем больше меня сейчас наедине тянуло к Джейн. Да и водка разогрела мою кровь.

— Я, кажется, обещала вам горячий шоколад — произнесла вдруг Джейн, и быстро снова сверкнув белыми шелковыми плавками между ног, встала с кресла и подошла к стоящей здесь же в углу каюты плите. Джейн поставила кофейник на горелку и заварила шоколад.

— Я совсем забыла о нем, что обещала вам — сказала она.

Я смотрел на нее, наедине, чем возможно смущал девицу американку.

— Давно вы в океане? — снова спросил я, гоня развратные все мысли из своей бабника головы.

— Уже месяц — произнесла Джейн. Это произвело впечатление на меня.

— Ого! — громко произнес я, не замечая как в гостиную большую каюту Арабеллы, вошел за моей спиной ее брат Дэниел.

— О чем разговор? — произнес Дэниел, проходя мимо меня и садясь рядом тоже в стоящее напротив меня у столика кожаное кресло.

— Владимир спрашивает. Сколько мы уже в Тихом океане — произнесла Джейн.

— Месяц. Без малого — произнес, подтверждая слова Джейн Дэниел — Где-то месяц мы в океане — он еще раз повторил и, поднявшись с кресла, тоже подошел к винному шкафу яхты. Он тоже себе там налил Текилы и снова сел в кресло между нами сбоку у столика.

В это время Джейн мне подала чашку с горячим шоколадом, и коснулась своей нежной черненькой от загара ручкой, моей как бы невзначай руки. Я дал понять, что заметил это.

— А ты Владимир, сколько уже здесь — произнес Дэниел до этого со мной об этом не разговаривая — Думаю, настало время рассказать свою историю моряка попавшего к нам на борт.

— «Какой умный парень!» — подумал я — «И довольно смелый! Молодец!».

Я немного помялся сидя в кресле, стараясь при Дэниеле не показывать свою заинтересованность его сестрой. И начал свой рассказ о том, как я и сколько плавал по океанам, и на каких судах. Рассказывал до самого момента катастрофы и сколько пробыл в

воде, пока они меня не подобрали.— Да действительно акулы бывают сытыми — произнес, повторяясь, на весь мой рассказ Дэниел — Страшно, наверное, вот так одному среди обломков своего судна над толщей океанской воды.

— Хорошего мало — добавил я и посмотрел на Джейн, прямо в ее широко открытые девичьи глаза. Она смотрела на меня и сейчас молчала и что-то думала наверняка.

— Ну да ладно! — громко сказал Дэниел — Мы, сейчас направляемся в сторону Новой Гвинеи, чтобы сделать на одном острове недолгую остановку и рады, что у нас появился еще один моряк на нашем судне! Нам нужен будет помощник и человек, знающий не понаслышке океан!

И тут, я, несколько и нагло, осмелев, произнес — Вы тоже со мной не достаточно откровенны молодые люди. Вам, думаю, есть тоже со мной, о чем поговорить. Я бы тоже хотел кое-чего знать о своих спасителях. Если конечно не особой важности секрет. Если я вам буду здесь нужен, и вы не собираетесь от меня избавиться в каком-нибудь порту или не высадить на какое-нибудь мимо проходящее судно, то вам тоже надо быть со мной более открытыми и откровенными.

Джейн передернулась и посмотрела не особо довольна на своего брата Дэниела. Он посмотрел на нее. Наверное, они поняли, что я слышал их разговор про черную идущую следом за нами неизвестную яхту и про то, что я для них здесь лишний. По крайней мере, так считала в отличие от Дэниела Джейн. Она считала, что достаточно и того, что меня спасли. Ох уж эти женщины!... А, я так на нее запал и думаю, это можно было прочесть в моих, заинтересованных по отношению к ней глазах. у них не так, и они решили избавиться от партии золота, похоронив его в океане. По другой нашей версии это золото таянули у них, таким образом, и теперь ищет, как и мы. — Вот эта, я думаю — я снова вклинился в разговор Дэниела — Более верная, скорее всего, история. Кто-то просто украл его из-под носа у тех, кто поставлял это золото, с целью собственного обогащения.

— Мы думаем с Джейн — снова продолжил Дэниел — Что самолет отца взорвали в воздухе или сделали ему аварию, и он упал в океане. Место гибели мы смогли уточнить. Джейн, спасибо ей, постаралась. Она узнала приблизительные координаты гибели лайнера над Тихим океаном, и мы направляемся туда — продолжил Дэниел — Нам помог брат отца Джонни Дэпвел. Почему я не знаю, он так нам стал вдруг помогать и даже хотел с нами плыть на этой яхте. Он ее нам и смог раздобыть у какого-то миллиардера по фамилии Джексон, или еще каких-то темных лошадок в штатах. Я думаю, наш дядя Джонни имеет недвусмысленное отношение тоже к исчезновению самолета своего родного брата. И эта яхта появилась у него неспроста. Может Джексон сам ему ее вручил Арабеллу, проследить за нами. Все-таки десять тонн золота.

— Я думаю также Владимир — произнес Дэниел — Мы отбыли на ней в океан, а Джексон подал сразу же на нее в розыск в морскую полицию. Там у него есть связи, как и во многих других местах. И потом эта черная яхта появилась в районе Гаваев. И с тех пор не отстает от нас.

— И она все время следует за вами — вставил в разговор я.

— Да и неотступно — сказал Дэниел — Они идут и наблюдают пока за нами буквально по пятам, и мы все время пытаемся от них оторваться, но пока безуспешно.

— Может она с маячком? — задал вопрос я.

— Возможно — произнес Дэниел — Так и Джейн считает. Она та гангстерская черная двухмачтовая яхта все время следует за нами и не теряется на просторах океана. Океан большой, а она все время сидит у нас на хвосте и даже шторм ей не помеха. Я, на предмет маячка, пытался обыскать всю Арабеллу, но безрезультатно. Ничего не нашел.

— Маячок где-то в борту яхты — поддержал я разговор — Встроен внутри корпуса. Может быть даже в киле. Нужен для этого, насколько мне известно, специальный поисковый магнитный электрощуп, а его естественно нет, и не достанешь, здесь в океане.

Я заметил слезы в глазах Дэниела.

— Прости Владимир — произнес он — Это нахлынули воспоминания о матери и отце. Джейн более устойчивая к слезам, чем я.

Молодой, но уже практически взрослый Дэниел не стеснялся слез, когда ему было горько. И мне было жалко его, как и Джейн, довольно не избалованных комфортной американской жизнью этих американских ребят.

Дэниел протер глаза руками от слез и сказал — Даже сейчас они там где-то недалеко от нас. Там в океане и нам приходится все время прятаться от них.

— Вот, в общем, и все Владимир — сказал напоследок Дэниел — Тебе решать теперь. Быть или не быть, как говорится. Быть с нами или покинуть нас. Неволить мы не можем. Мы можем высадить тебя на каком-нибудь многолюдном острове в океане, и тебя заберет какое-нибудь судно, идущее в Россию. Или лучше сразу на судно и лучше на Русское. Но мы можем также, и принять тебя на свой борт членом нашего экипажа. Джейн даже вроде бы согласилась и не против.

Джейн стояла в дверях каюты и слушала нас. Пока мы разговаривали, она, приняла душ и не вытерпела одиночества сама с собой, в своей

каюте, вернулась под конец нашего с Дэниелом разговора и, видимо, слышала апофеоза нашей беседы. Джейн вошла на высоких черных шпильках каблуках туфель и была одета в вечернее черное, почти, как

и сама, короткое до колен платье. Полуоткрытое и, наверное, все это ради меня.

Я так подумал, не ошибся. Волосы были также забраны в тугий пучок и заколоты золоченой заколкой. И ее миленькая девичья головка была по вискам украшена, как и ранее вьющимися свисающим локонами.

Почти до плечей и золотыми в ушах колечками сережек. На руках блестели тонкие золотом браслеты. На каблуках она была повыше ростом и стояла в проеме каютных открытых из красного дерева или пластика дверей.

Я посмотрел на красотку Джейн. Ее черные как ночь гипнотические глазки заиграли огоньком в просьбе остаться. И мне ничего не оставалось делать, как согласиться на последнее. Согласиться в первую очередь ради моей вскоре горячо любимой обворожительной латиноамериканской брюнетки крошки Джейн.

Мне показалось, что его сестренка Джейн более мужественная даже чем он. Это было видно по ее решительности в поведении и упрямому в отличие от Дэниела характеру. Укротить такую латиноамериканского

типа красотку, будет делом вероятно не совсем простым. Но я постараюсь. Выпитая водка еще играла в моей голове.

Джейн вновь вошла в главную каюту и села снова в кресло напротив меня. Она села, снова забросив одну ногу на другую вновь сверкнув белыми плавками своего шелкового купальника

меж своих изящных загорелых до черноты девичьих ног. Платье было надето на голые ее груди без лифчика, черные соски которых выпирали наружу, что не мог я не заметить и это понятно. Это же вечернее платье!

Джейн вновь взяла бокал, и пригубила его, искоса соблазнительно и развращенно смотря на меня. Смотрела, покачивая в мою сторону аккуратной ступней ноги в красивой черной на высоком каблуке туфле.

Джейн! Красавица Джейн!

Я покачал в знак доверительного согласия Дэниелу и Джейн и они оба обрадовались моему однозначному решению. Она довольная теперь моим положительным решением зачем-то снова вышла в коридор между каютами. Возможно, она решила подняться наверх, так как она подошла к Дэниелу и, прижавшись бедром красивой своей полной загоревшей до черноты правой ноги, взяла у него из рук бинокль.

— Буря там за атолом бушует действительно нешуточная — произнесла крошка Джейн — Яхту нашу хорошо качает и надо задраить все люки и иллюминаторы на Арабелле — сказала она — Уже воды порядочно волнами нахлестало по всем каютам. А что делается там за рифами!

Сказав это, она оторвалась от Дэниела и, виляя демонстративно передо мной своими теми крутыми девичьими молодыми сучки половозрелой черными от плотного солнечного загара полными красивыми ногами, прошла мимо меня, слегка коснувшись, как бы случайно, ноги правым бедром и пальчиками левой руки провела по моему левому к ней развернутому плечу.

— Я это сделаю сама, а вы еще побеседуйте — вдруг она произнесла — Раз Владимир стал нашим третьим членом команды.

Джейн вышла в коридор между каютами. И стуча высокими каблуками шпильками черных туфель, пошла по каютам, закрывать все окна на нашем судне. И, видимо поднялась наверх, на палубу полюбоваться на бушующий за песчаным атолом Тихоокеанский шторм.

***

Шторм был сильным, но не очень долгим и стих. Стих также внезапно, как и налетел. Всего день пробушевала буря. А к ночи стало тихо. Сразу в разрыве черных тающих в небе облаков показалась желтая Луна. Волны умили свой дикий бушующий нрав, и Тихий океан сразу стал послушным и тихим как ребенок.

Наступила ночь. Яхта вся в огнях бортового и палубного света, стояла в тихой после шторма красивой песчаной мелководной лагуне. И уже был на корабельных часах в главной каюте час ночи. Я в беседе с Дэниелом даже не заметил, когда это произошло. Было уже два часа ночи, где-то час сорок пять на часах в главной каюте «Arabelle».

Яхта перестала качаться и стала на ровный киль в сказочно красивой атолловой лагуне, с белым серебрящемся в лучах желтой Луны песке.

Послышался скрип двери, и на пороге главной центральной каюты, появилась сама Джейн. Она, открыв все каютные иллюминаторы яхты, побывав на палубе, вернулась в свою каюту и теперь назад к нам с Дэниелом. Она, снова стояла на пороге перед нами.

— Кто-нибудь хочет сегодня окунуться в лагуне?! — она была уже в ином более чем приподнятом настроении. Ее черные как ночь за иллюминатором главной каюты Арабеллы девичьи глаза, сверкали лукавством и соблазном. Мы с Дэниелом посмотрели на нее. Она

была в другом уже более длинном, до самых почти пяток, такого же телесного цвета домашнем халате, распахнутом, нараспашку. И из-под, которого, выглядывал на тоненьких ляпочках и замочках туго натянутый на ее гибкую в тонкой талии обалденную фигуру купальник. В контраст загорелому ее Джейн девичьему двадцатилетнему телу. Купальник был белого цвета.

Джейн показывая свою полунаготу своей безусловно красивой девичьей фигуры, встала в проеме открытой из красного дерева или пластика каютной двери, выставив напоказ круглым красивым пупком мне свой загоревший до черноты живот. Ее такая же черная, почти от загара девичья молодая грудь, трепыхалась от возбужденного страстного дыхания в тесном стянутом лепестками на торчащих больших черных сосках латиноамериканки лифчике. Застегнутом, где-то сзади. На ее узкой загорелой спине. А соблазнительный ее с круглым пупком живот аккуратно нависал изящным овалом над тутим стянутым на ее крутых полных бедрах ног пояском белых, как и лифчик узких донельзя с косыми широкими вырезами плавок, подтягивающих девичий Джейн ее волосатый с промежностью лобок. Ее девичьи ноги были изящны и стройны от верха и до самых пяток и ступней во всей своей нагой красоте красовались передо мной, соблазняя взор русского моряка.

Джейн, отстегнув золоченую булавку, распустила свои смоляные чернотой волосы по плечам и спине, откинув их руками назад, и игриво посмотрела на брата Дэниела, одарив взглядом умышленно чужестранца

меня. Она громко и маняще произнесла — Кто-нибудь — намекая на обоих — Купаться пойдет? Вода после шторма теплая!

Мы переглянулись друг на друга.

— Ну, решились! — она еще раз повторила — Поплывать со мной! Ну как хотите, а я пойду! — громко произнесла, почти радостно Джейн и бегом смеясь, как совсем молодая девчонка, бросилась наверх по лестнице на освещенную луной, звездами и светом палубных и габаритных огней палубу.

Дэниел, оставив мрачные мысли и воспоминания, соскочил с кресла и бросился за ней. Я решил следовать следом и поднялся на палубу яхты.

Джейн уже плескалась в теплой гладкой как зеркало воде ночной лагуны. Дэниел сбросил все с себя и в одних только плавках красного

цвета прыгнул в воду с борта, перемахнув бортовые защитные леера Арабеллы.

Джейн радовалась купанию и смеялась, плескаясь в воде со своим братом, а я только стоял, оперевшись руками на леера яхты, и не сводил с них глаз.

— «Ну как совсем дети» — думал я — особенно Дэниел. Тот кричал от счастья и плескался в Джейн водой. Он подныривал под нее и дергал за ноги, а она визжала на всю ночную лагуну.

Я и сам был еще достаточно молод. Тридцать лет это еще не такой уж для мужчины возраст. Хотя биография была как у пятидесятилетнего. Пришлось пожить в разных условиях и местах. Потерпеть немало лишений в жизни. Этот развал страны и флота. Пришлось искать работу, пока не прибился на торговый флот. Потом наемный флот. И вот я здесь. По сравнению с этими, хоть уже и взрослыми, но отчасти еще детьми, я у жизни ветеран. Я улыбнулся сам себе.

Я любовался Джейн. Она, громко заливаясь, хохотала в воде у самого борта Арабеллы вместе с Дэниелом. Дэниел тоже хохотал и баловался водой с сестренкой Джейн.

— «Что они еще видели в жизни?» — думал я — «Просто рано взрослевшие дети и все. Дети, на пути к взрослой жизни, по воле рока оторванные от родного дома. Взнявшие на себя тяжкий груз поисков гибели родного отца. Движимые благородными поступками и решившиеся в одиночку ради поисков на такой отчаянный морской поход» — я смотрел на Джейн и Денниела и думал, о их безопасности в этом океане. Особенно о Джейн, практически взрослой и очень красивой. Уже половозрелой девице и способной рожать детей. Она как более старшая, по возрасту взяла шефство над своим более младшим братом Дэниелом. Она единственная здесь среди нас теперь двоих женщина, уже думающая о серьезной семейной жизни. Это видно было в ее убийственно черных как у цыганки глазах. Когда я сказал ей о том, что она нравится мне, она не отреагировала холодно и непонимающе. Она все поняла и, похоже, отнеслась к моим взглядам довольно серьезно. Она хотела уже кого-нибудь любить, а не только заботится о своем совершенно, рано

повзрослевшем брате. Ей давно уже нужен был близкий человек. И вот я появился на их яхте. Случайно или нет, Бог мне судья, но я влюбился в Джейн с первого взгляда, как только ее увидели мои глаза. И вот я любовался больше ей, чем Дэниелом с борта Арабеллы в темной ночной воде коралловой лагуны. Не примите превратно мои такие описания крошки моей Джейн, но я с ума сходил по ней, и это выражалось вот так в моих безумствующих к ней страстных мужских

чувствах, почти тридцатилетнего русского моряка. Неприкрыто и ярко на суд читателя в красочных столь описаниях моей любвеобильной пассии.

Вот и сейчас, вдоволь наплескавшись в воде Джейн, поднялась на освещенный огнями палубы борт Арабеллы, по спущенному ею же с левого борта перед купанием яхты трапу. Не торопясь вихляя, специально передо мной, выразительно загорелыми шикарными бедрами и держась за поручни голыми, как и сама девичьими изящными в загаре руками, она поднялась прямо рядом со мной. Джейн встала, возле брошенного ею на поручни своего длинного до самых ступней ее прелестных ножек халата. Она, встала передо мной, своей невысокой девичьей точеной, загорелой, как словно вырезанной из черного дерева изящной фигуркой, молча глядя в мои изумленные теперь от ее неземной девичьей красоты мужские глаза.

Джейн хотела, чтобы и я подключился к затеянной ею той занятной, соблазнительной для мужского сердца ночной игре. Она хотела заманить меня тогда собой, но я умышленно не поддался на женскую такую провокацию. Хотя это было трудно сделать, скажу честно. С моими-то, безотказными взглядами на женский пол.

Освещенная ярким палубным светом, звездами и луной. Облепленная по спине и плечам своими мокрыми длинными черными, как смоль вьющимися волосами, она встала рядом со мной, глядя на меня прямо в глаза своими красивыми гипнотическими черными, как у цыганки глазами. Взнявшись за поручни, как и я бортового ограждения, одной своей загорелой, как уголь рукой, почти вся черная от загара и голая, в купальнике, который трудно назвать купальником, так одно

название. Из белых полосок тоненькой шелковой материи. Джейн как некая сказочная нимфа или русалка стояла передо мной в одних узких

тоненьких обтягивающих ее туго те крутые шикарные бедра, таких же белых, как и на выпирающих вперед грудях девицы брюнетки лифчик

плавках. Мокрых, от морской соленой воды и еле закрывающих молодой

двадцатидевятилетней девицы волосатый с влагилицем лобок. По округлому девичьему с

обворожительным пупком в тяжелом дыхании загорелому до угольной черноты, дрожащему на ночном воздухе животику, струилась ручейками соленая вода. Она сбегала на тугий поясok тех узких стянутых туго на ее крутых овалах полных, как и ее девичья попка загорелых почти черных бедрах ног. И он сейчас особенно красиво нависал над тем пояском ее тонких белых из шелка плавок. А торчащие крупные соски, эротично выпирали сквозь треугольные лепестки стянутого туго на жаром пышущих грудях и узкой девичьей спине тоненькими ляжками лифчика, по которым струилась также соленая морская теплая вода.

Она струилась по обворожительно красивым и круто обрисованным в широких косых вырезах плавок загорелым до черноты крутым бедрам ее ног. И тоже стекала ручейками вниз от самого девичьего обрисованного шелковой натянутой туго тканью влагалища и лобка по красивым девичьим коленям и округлым загорелым полным икрам невысокой латиноамериканки, образуясь у девичьих ее Джейн маленьких красивых аккуратных таких же, как и тело загоревших ступней, в водяную лужицу на палубе яхты.

— «Боже, какая ты красивая Джейн!» — я сходил с ума — «Черная, почти как уголь от ровного гладкого загара. Словно водная некая русалка или